

и, широко раскрыв глаза, устремил смятенный взор на ту, которую Санчо величал королевою и герцогинею; и как Дон Кихот видел в ней всего-навсего деревенскую девку, к тому же не слишком приятной наружности, круглолицую и курносую, то был он изумлен и озадачен и не смел выговорить ни слова». Дон Кихот, страстно желающий поверить в чудо, не может этого сделать безоговорочно: «Между тем должен сознаться, Санчо, что когда я приблизился к Дульсинее, дабы посадить ее на иноходца, как ты его называешь, хотя мне он представляется ослицей, то от нее так пахло чесноком, что к горлу у меня подступила тошнота и мне едва не сделалось дурно». И далее, уже поверив в выдумку Санчо, он все же спрашивает: «А скажи мне, Санчо, то самое, что я принял за вьючное седло и что ты прилаживал, — что это такое: простое седло или же дамское?».

Свобода Дон Кихота — персонажа от литературной парадигмы подчеркивается возможностью выбора: либо уйти из литературы в жизнь, превратившись в Кихану Доброго, либо уединиться на узкой сценической площадке другого жанра.

Содержание главы шестьдесят седьмой второй части звучит так: «О том, как Дон Кихот принял решение стать пастухом и до истечения годичного срока жить среди полей...». Далее Сервантес повествует о том, как Дон Кихот представляет себе это новое превращение: «Вот тот лужок, где мы встретились с разодетыми пастушками и разряженными пастухами, задумавшими воссоздать и воскресить здесь пастушескую Аркадию, каковая мысль представляется мне столь же своеобразной, сколь и благоразумной, и если ты ничего не имеешь против, Санчо, давай в подражание им превратимся в пастухов, хотя бы на то время, которое мне положено провести в уединении. Я куплю овец и все что нужно пастухам, назовусь пастухом Кихотисом, ты назовешься пастухом Пансино и мы, то распевая песни, то сетуя, будем бродить по горам, роцам и лугам ... песни доставят нам удовольствие, слезы — отраду, Аполлон вдохновит нас на стихи, а любовь подкажет нам такие замыслы, которые обесмертят нас ... бакалавр Самсон Карраско, если он вступит в пастушескую нашу общину, — а он, разумеется, вступит, — может называться пастухом Самсонино или пастухом Каррасконом, а цирюльник Николас может называться Никулосо ... Между тем подобрать имена для пастушек, в которых мы будем влюблены, это проще простого, а как имя моей госпожи одинаково подходит для пастушки и для принцессы, то и не к чему мне утруждать себя поисками более удачного имени ... А чтобы мы могли показать себя на новом поприще с наиболее выгоднейшей стороны, то нам тут окажет существенную помощь вот какое обстоятельство: ведь я, как ты знаешь, отчасти стихотворец, бакалавр же Самсон Карраско — поэт изрядный ... Я стану сетовать на разлуку, ты станешь воспевать свое постоянство в любви, пастух Карраскон будет роптать на то, что он отвергнут...» и т. д.

Тема превращения, т. е. жанрового двойника развернута и в трех главах первой части (L, LI, LII), где Эухенья превращается из обычного козопаса в литературного пастуха и снова в козопаса, с которым вступает в самую настоящую драку Дон Кихот, также нарушивший своим вульгарным поведением законы жанра рыцарского романа. Очень похоже, что столкновение двух разножанровых героев символизирует — по замыслу Сервантеса — соперничество двух литературных жанров: рыцарского романа и пасторали.

Освобождение Дон Кихота — персонажа от жесткой парадигмы можно видеть и в том, что он, в отличие от своих литературных собратьев, обретает способность развития (развивающаяся личность). Чтобы осуществить эту новаторскую задачу, Сервантес должен был представить своего героя как человека деятельного, умеющего бороться и сострадать, проявлять активность в самых сложных, конфликтных ситуациях. Идея развития персонажа-личности не была художественно разработана до Сервантеса. Деяния рыцаря складывались из отдельных поступков и подвигов, пере-